

Проф Г. А. Меликишвили
ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ В СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В изучении древней истории Закавказья (Грузии, Азербайджана, Армении) советская историческая наука добилась больших успехов. Основные вопросы древней истории Закавказья подлинно научное освещение получили лишь в советской науке. Это обусловлено, во-первых, тем, что советская историческая наука, в отличие от дореволюционной и современной буржуазной науки, строится на единственно правильной марксистско-ленинской теории и, во-вторых, тем, что в годы советской власти, в основном благодаря развернувшимся в широких масштабах археологическим работам, неизмеримо расширилась база для изучения древней истории народов Закавказья, равно как и всех других народов нашей Родины. Кроме того, за годы советской власти, благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии, в советских республиках Закавказья выросли многочисленные научные кадры, создавалась широко разветвленная сеть научных учреждений, занимающихся изучением исторического прошлого народов Закавказья.

До революции в Закавказье изучением исторического прошлого своих народов занимались лишь отдельные энтузиасты. Некоторые из них, несмотря на исключительно неблагоприятные условия работы, все же стояли на уровне успехов современной им науки и внесли немало ценного в освещение истории своих народов.

Крупным очагом кавказоведения в дореволюционной России являлся б. Петербургский университет, в котором, в частности, работали крупнейшие специалисты по истории Закавказья И. А. Джавахишвили и Н. П. Адонц.

В археологическом изучении Закавказья¹ важную роль сыграло «Московское археологическое общество», специальное Кавказское отделение которого было учреждено в 1901 г. в Тбилиси. Это Общество уже с 1888 г. начало издавать серию «Материалы по археологии Кавказа». Наряду с представителями отечественной науки, в археологическом изучении Закавказья принимали участие также иностранцы. Однако нельзя не отметить, что в то время раскопки, как правило, велись на низком уровне,

¹ Об основных итогах археологического изучения Закавказья см.: В. Б. П и о т р о в с к и й, Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э., Л., 1949; о н ж е, Археологическое изучение древнего Закавказья, ВДЦ, 1947, № 3; Г. Ф. Г о б е д ж и ш в и л и, Археологические раскопки в Советской Грузии (на груз. яз.), Тбилиси, 1952; Г. А. Л о м т а т и д з е, Очерки по археологии Грузии (на груз. яз.), Тбилиси, 1952; И. М. Д ж а ф а р з а д е, Развитие археологических работ в АзербСССР, ЦАН АзербСССР, 1945, № 6.

в большинстве случаев лицами, не имеющими специальной подготовки, и часто носили кладонскательский характер. Поэтому добытый материал был плохо документирован. Весьма слабо была поставлена также его публикация. Ввиду всего этого означенный материал мало использовался для освещения древней истории Закавказья.

При разработке вопросов древней истории ряд исследователей широко привлекал доступные им в то время этнографические и языковедческие данные, однако и эти категории исторических источников не могли тогда оказать существенную помощь в разработке древней истории Закавказья ввиду слабого развития этнографии и языкознания. Основным источником в дореволюционной науке по изучению древнего периода народов Закавказья оставались сведения античных авторов, ставшие доступными широкому кругу научной общественности благодаря прекрасной публикации акад. В. В. Латышева «Scythica et Caucasica».

После установления советской власти в республиках Закавказья (1920—1921 гг.) создались условия для коренного улучшения археологической работы, представлявшей основу также для широкого развертывания работы по древней истории народов Закавказья. Однако перестройка работы и ощутимые результаты были достигнуты, конечно, не сразу. В 20-х годах были сделаны лишь первые шаги, в 30-х же годах работа в этом направлении приняла уже широкий размах. Если до революции несколько научных обществ, занимавшихся археологическим изучением Закавказья («Общество любителей кавказской археологии», «Кавказское отделение Московского археологического общества»), из-за неимения средств вели жалкое существование, то в годы советской власти в Закавказье создается широко разветвленная сеть государственных научных учреждений, занимающихся изучением истории родной страны.

До революции в Закавказье фактически имелся лишь один музей — «Кавказский музей» в Тбилиси. Но уже в 20-х годах государственные музеи создаются во всех столицах закавказских республик. Эти музеи развернули большую работу по изучению археологии и древней истории Закавказья.

После того как в 30-х годах в закавказских республиках были организованы филиалы Академии наук СССР, на базе которых в начале 40-х годов были созданы Академии наук Грузии (в 1941 г.), Армении (в 1943 г.) и Азербайджана (в 1945 г.), научная работа по древней истории, археологии, этнографии в Закавказье в основном сосредоточилась в учреждениях этих академий. В АзербССР в 1933 г. в составе филиала АН СССР был организован специальный «Сектор истории и истории материальной культуры», превратившийся в 1935 г. в Институт истории, археологии и этнографии (ныне — Институт истории и философии АН АзербССР), в Армении таким центром стал Институт истории АН АрмССР, а в Грузии — организованный в 1936 г. Институт языка, истории и материальной культуры, на базе которого в дальнейшем, наряду с Институтом языкознания, был создан Институт истории им. И. А. Джавахишвили, являющийся ныне основным центром научной работы по истории, археологии и этнографии.

В исследовательской работе по истории, археологии и этнографии Закавказья также принимают участие кафедры высших учебных заведений закавказских республик, центральные научные учреждения нашей страны, в первую очередь Гос. Эрмитаж и Институт истории материальной культуры АН СССР, ведущие работники которых внесли ценный вклад в археологическое изучение и в разработку отдельных вопросов древней истории и истории культуры народов Закавказья.

За годы Советской власти в Закавказье были проведены крупные ар-

хеологические работы, неизмеримо расширившие базу для изучения древнейшего периода истории этой области. В частности, если дореволюционной науке почти ничего не было известно о древнейшем, предшествовавшем эпохе бронзы периоде истории Закавказья, то в настоящее время историки древнего Закавказья располагают археологическим материалом для воссоздания картины общественного развития населения Закавказья на всем протяжении первобытно-общинного строя: в каменном веке, в эпоху энеолита, в бронзовом и раннем железном веке.

В связи с разработкой более позднего периода истории Закавказья в советской науке особенно выдвинулись вопросы образования современных народов Закавказья; эти вопросы исследовались главным образом на материале языка и письменной исторической традиции. Другим основным вопросом, разрабатываемым советской исторической наукой в связи с изучением античного периода истории народов Закавказья, являлся вопрос о возникновении первых классовых обществ и государственных образований у предков современных народов Закавказья и о характере этих древнейших классовых обществ и государств. При разработке данного вопроса советские ученые, наряду с письменными источниками, широко пользовались также данными новых археологических исследований, значительно обогативших наши знания и по этому периоду истории Закавказья. В Грузии замечательные по своим результатам раскопки были проведены в районе Мцхета — столицы древней Иберии¹ (некрополь питиахшей и другие памятники у Армазисхеви², резиденция иберийских царей — акрополь на горе Багинети, мавзолей у железнодорожной станции Мцхета³, разведочные раскопки древней Севсаморы и т. д.). Эти раскопки обогатили исследователей античной Грузии не только ценными памятниками материальной культуры, но также и весьма важными эпиграфическими памятниками⁴. Большое значение имели также раскопки памятников античной эпохи в Зап. Грузии (Вани, Даблагоми, Клдести, Бичвинта, Сухуми и т. д.)⁵.

В Армении исключительно ценный материал дали исследования памятников эпохи урартского владычества, в особенности урартского центра Тейшебаини (Кармир-блур, на окраине Еревана), ведущиеся под руководством проф. Б. Б. Пиотровского⁶. Замечательные результаты для истории античной Армении дали раскопки в Гарни, ведущиеся под руко-

¹ Библиографию см. Г. А. Ломтатидзе, Археологические раскопки в Мцхета, Тбилиси, 1955.

² Недавно вышла из печати прекрасная публикация археологических памятников Армазисхеви — см. А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Кандадзе, Г. А. Ломтатидзе, Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937—1946 гг. (Мцхета. Итоги археологических исследований, том I), Тбилиси, 1955 (на груз. яз.) (там же подробная библиография).

³ Г. А. Ломтатидзе и И. Н. Цицишвили. Новооткрытый склеп в Мцхета, Сообщ. АН ГрузССР, XII, № 10 (1954).

⁴ Были открыты памятники на арамейском (см. Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тбилиси, 1941; о н же, Эпиграфические находки в Мцхета—древней столице Грузии, ВДИ, 1948, № 2), еврейском (см. Г. В. Церетели, ИИЯИМК ГрузФАН ССР, V—VI, 1940) и греческом (см. в корпусе Г. С. Каухчишвили, Греческие надписи Грузии, Тбилиси, 1941) языках.

⁵ См. Б. А. Кюфтин, Материалы к археологии Колхиды, т. I, 1949, т. II, 1950; Н. В. Хоштрава, Археологические раскопки 1947 г. в сел. Вани (на груз. яз.), «Мимомхилвели», т. I, 1949; Л. А. Мацулевич. Открытие мозаичного пола в древнем Питиахте, ВДИ, 1956, № 4; М. М. Трапш, Мраморный барельеф из Сухуми, ВДИ, 1954, № 1; о н же, Краткий отчет о результатах арх. исследований в Сухуми в 1952 году, «Труды Абхазского Института...», XXVI (1955).

⁶ Кармир-блур, вып. I, II, III, IV, а также Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944.

водством проф. Б. Н. Аракеляна¹. История античной Армении, также как история античной Грузии, обогатилась не только ценными памятниками материальной культуры, но также и новыми эпиграфическими памятниками².

В Азербайджане, в древней Албании, по этому периоду ценные результаты дали раскопки в Мингечауре, а также изучение памятников Ялойлутапинской культуры. Были проведены разведочные раскопки и на месте древней Кабалы — столицы Албании³. Открыты отдельные эпиграфические памятники (обнаруженная в 1948 г. латинская надпись времени императора Домициана⁴, краткие албанские надписи из Мингечаура, к сожалению, не поддающиеся до сих пор, ввиду ограниченности материала, удовлетворительной дешифровке). Важное значение для этногенетических исследований имело открытие «албанского алфавита», изучение которого лишний раз подтвердило высказываемое на основании других соображений положение о принадлежности албанского языка к северо-восточной ветви иберийско-кавказских языков⁵.

Много ценного в разработку древней истории Грузии внес в годы советской власти крупнейший историк Грузии покойный акад. И. А. Джавахишвили (1876—1940). Большая часть исследований И. А. Джавахишвили появилась именно при советской власти. Вышло в свет, в частности, коренным образом переработанное автором второе издание I книги его капитального труда «История грузинского народа», посвященной древнему периоду истории Грузии. Особенно ценными и тщательно разработанными в этой книге являются главы, посвященные древней языческой религии грузинских племен (исследование ведется, в основном, на эпиграфическом и, отчасти, языковом материале), а также изучению источников по вопросу о распространении христианства в Грузии и т. д. Для этногенеза грузин и других народов Кавказа важное значение имеет опубликованный в 1937 г. объемистый языковедческий труд И. А. Джавахишвили «Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков». Этногенетическим вопросам посвящен вышедший уже после его смерти труд «Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока». Основные выводы этого труда изложены в статье автора, опубликованной в ВДИ в 1939 г. (№ 4). В этой работе автор исследует вопрос о происхождении скифов и сарматов в свете наличия в ономастике и топонимике скифо-сарматских областей северо-кавказских элементов. Кроме того, привлекая отдельные факты из топонимики, этнонимики и ономастики, И. А. Джавахишвили пытается укрепить пошатнув-

¹ См. Б. Н. Аракелян, Раскопки крепости Гарни, «Вестник АН СССР», 1950, № 10; о н ж е, Раскопки крепости Гарни, ВДИ, 1951, № 4; о н ж е, Работы Гарнийской археологической экспедиции Института истории АН АрмССР (на арм. яз.), ИАН АрмССР, 1951, № 3; о н ж е, Гарни, I, результаты работы 1949, 1950 гг., Ереван, 1951; о н ж е, Значение раскопок в Гарни для изучения культуры древней Армении, ВДИ, 1953, № 3; о н ж е, Мозаика из Гарни, ВДИ, 1956, № 1; см. также К. В. Тр е в е р, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 23—95.

² Эпиграфическим памятникам древней Армении, в том числе и новонайденным, посвящена вторая часть исследования К. В. Тр е в е р, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953 (там же указана обширная литература, относящаяся к этим памятникам). Из работ, вышедших после этой книги, следует назвать статью Г. Х. С а р к и с я н а о гарнийской греческой надписи (на арм. яз.), опубликованную в ИАН АрмССР (общ. н.), 1956, № 3.

³ См. С. М. К а з и е в, Итоги археологических раскопок 1944 г. в районе Кабалы, ИАН АзербССР, 1945, № 1.

⁴ См. З. И. Я м п о л ь с к и й, Вновь открытая латинская надпись у горы Бекюдаш (АзербССР), ВДИ, 1950, № 1 (там же см. остальную литературу по этому вопросу).

⁵ А. Г. Ш а н и д з е, Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки, ИИЯИМК ГрузФАН СССР, IV (1938).;

шие позиции гипотезы о переселении грузинских и других иберийско-кавказских племен с юга.

Вопросы социально-экономической структуры древнегрузинского общества в работах И. А. Джавахишвили рассмотрены лишь мимоходом. В последний период своей жизни покойный ученый не обращался специально к этим вопросам, в более же ранних работах ему было чуждо марксистское понимание исторического процесса; например, иберийское общество на рубеже нашей эры, по его мнению, являлось обществом родовым, но в то же время этот родовой строй являлся в данный период основой грузинской государственности. Ставился им также вопрос: являлся ли данный родовой строй первичным или нет. По мнению И. А. Джавахишвили, грузинские племена (в Малой Азии — на их первоначальной родине) однажды уже вышли из родового строя, но затем вновь вернулись к нему и т. д.

Полный расцвет творческой деятельности одного из крупнейших армянских историков — акад. Я. А. Манандяна (1873—1952) падает также на советский период, причем преобладающая часть его работ, вышедших за это время, посвящена именно вопросам древней истории Армении. Я. А. Манандян дал ряд обобщающих работ по истории древней Армении; весьма ценны его работы по исторической географии, экономической истории (в частности, по истории торговли в городах). Ряд его работ посвящен вопросу о социальной структуре древнеармянского общества — она определялась им как феодальная. Сравнительно меньше внимания уделял покойный ученый этногенетическим вопросам — в основном он придерживался теории переселения «праарменов» из Фракии¹.

При разработке древней истории Закавказья советская наука особенно существенный вклад внесла в освещение двух основных проблем: в определение социально-экономической структуры обществ древней Грузии, древней Армении и древней Албании и в трактовку проблемы этногенеза современных народов Закавказья.

Опираясь на марксистско-ленинское понимание исторического процесса и благодаря все увеличивающемуся конкретному материалу, советским ученым удалось правильно осветить вопрос о возникновении первых классовых обществ и государств у закавказских народов и определить их раннерабовладельческий характер. Правильному решению данного вопроса во многом способствовала дискуссия о социально-экономической структуре восточных обществ, происходившая среди советских ученых в 30-х годах. Благодаря этому в советской исторической науке шел пересмотр старого понимания исторического процесса на Востоке. До этого даже советские историки считали социально-экономическую структуру древневосточных обществ феодальной. Однако во время вышеупо-

¹ Я. А. М а н а н д я н, Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам, Ереван, 1943; о н ж е, Краткий обзор истории древней Армении, М.—Л., 1943; о н ж е, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.), Ереван, 1930 (2-е издание — 1954 г.); о н ж е, Феодализм в древней Армении (период Аршакидов и марзпанства) (на арм. яз.), Ереван, 1934; о н ж е, Критический обзор истории армянского народа, т. I. С древнейших времен до воцарения Аршакидов в Армении (66 г. н. э.), Ереван, 1944; о н ж е, Проблема общественного строя доаршакидской Армении, «Исторические записки», XV (1945); о н ж е, О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья, Ереван, 1944; о н ж е, Главные пути Армении по Tabula Peutingeriana (на арм. яз.), Ереван, 1936; о н ж е, Круговой путь Помпея в Закавказье, ВДИ, 1939, № 4; о н ж е, Маршруты понтийского похода Помпея и путь отступления Митридата в Колхиду, ВДИ, 1940, № 3-4; о н ж е, Цель и направление подготовившегося Нероном кавказского похода, ВП, 1946, № 17; о н ж е, О местонахождении Caspia via и Caspia portae. «Исторические записки», 25 (1948); о н ж е, О некоторых спорных проблемах исторической географии древней Армении, Ереван, 1956 и т. д.

мянутой дискуссии советскими учеными, прежде всего акад. В. В. Струве, было выдвинуто положение, получившее в дальнейшем общее признание, о том, что в древневосточных странах на развалинах родового строя возникло рабовладельческое общество, в котором, однако, рабовладение не достигло столь значительного и полного развития, как в античной Греции и Риме. Дальнейшие исследования советских ученых внесли много ценного в определение специфики раннерабовладельческих обществ древнего Востока.

Подобным же образом в 30-х годах произошел перелом в постановке вопроса о характере первых государственных образований Грузии и Армении. Если древнегрузинская государственность, по мнению акад. И. А. Джавахишвили, имела в своей основе родовой строй, то в работах акад. С. Н. Джанашиа¹ первые классовые общества Грузии определяются уже как общества рабовладельческие. С. Н. Джанашиа в этой связи дал весьма убедительный анализ известного сообщения Страбона об обществе древней Иберии, привлекая данные языка, археологии и т. д. Однако не все детали в воссоздаваемой им картине являются одинаково убедительными². В дальнейших работах советских ученых произошло уточнение и углубление положения о раннерабовладельческом характере древнегрузинского (в частности, древнеиберийского) общества, а также конкретная разработка вопроса о времени и условиях возникновения первых государственных образований на территории Грузии³. По отдельным конкретным вопросам в этой области все еще остается немало спорных вопросов.

С подобной же картиной встречаемся мы также в разработке вопроса о социально-экономической структуре армянского общества в эпоху эллинизма и Римской империи. Акад. Я. А. Манандян, как было отмечено выше, считал это общество феодальным. Однако уже в конце 30-х годов проф. С. Т. Еремян вполне определенно показал рабовладельческий характер древнеармянского общества. В дальнейшем ему же в ряде работ удалось выяснить специфику раннерабовладельческого общества Армении. Наряду с греко-римскими источниками, С. Т. Еремян широко привлекает также древнеармянский исторический материал и путем анализа ряда древнеармянских терминов, связанных с рабством и рабовладением, сумел воссоздать в общих чертах довольно убедительную картину социально-экономических отношений в раннерабовладельческой Армении⁴.

При изучении древнего Азербайджана (Албании) в советской науке одним из важных вопросов являлся также вопрос о социально-экономическом характере общества древней Албании, хотя этот вопрос все еще ждет детального, монографического исследования.

¹ Они, в основном, собраны в вышедших после его смерти сборниках трудов автора — см. акад. С. Н. Джанашиа, Труды, т. I, Тбилиси, 1949 и т. II, Тбилиси, 1952.

² См. Г. А. Меликишвили, К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии (на груз. яз.), Тбилиси, 1955, стр. 159, 171 сл. и др.

³ См. А. И. Болтунова, Описание Иберии в «Географии» Страбона (XI, 3,1—6), ВДИ, 1947, № 4; она же, Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии, ВДИ, 1956, № 2; Меликишвили, ук. соч.; он же, К вопросу о возникновении классового общества и первых государственных образований в Грузии, ВП, 1956, № 4.

⁴ С. Т. Еремян, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950, № 1; он же, Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, ИАН АрмССР, 1948, № 11; он же, Развитие городов и городской жизни в древней Армении, ВДИ, 1953, № 3; он же, Проблема падения рабовладельческого общества и зарождения феодальных отношений в древней Армении, Сб. «Доклады Советской делегации на XXIII международном конгрессе востоковедов в Кембридже», М., 1954; он же, Рабовладельческое общество древней Армении (автореферат докторской диссертации), М., 1953.

Для изучения албанского общества в III—I вв. до н. э. важное значение имели раскопки памятников так называемой Ялойлутепинской культуры. Этим памятникам посвящено недавно вышедшее исследование О. Ш. Исмизаде¹. Выясняется, что в границах распространения данной культуры находилась значительная часть территории современного Азербайджана, а также прилегающая к АзербССР часть Вост. Грузии. На основании изучения памятников данной культуры и анализа античных источников (в частности, весьма красноречивых сообщений Страбона) выясняется, что в означенный период развитие в Албании не пошло еще дальше союза племен; общество все еще жило в условиях первобытно-общинного строя, хотя и находящегося уже на грани своего разложения. Археологический материал, в частности, ярко показывает наличие глубокого имущественного и социального расслоения албанского общества².

В дальнейшем, в первые века н. э., албанское общество, очевидно, превращалось в раннеклассовое общество; однако зарождающаяся албанская государственность развивалась в весьма неблагоприятных условиях, в окружении сильных и более развитых соседей, что отразилось и на процессе консолидации албанской народности.

Характерной чертой развития советских исследований по древней истории народов Закавказья является определенная концентрация внимания на изучении крупных политических образований, существовавших еще в древневосточную эпоху на территории, на которой позднее происходил процесс формирования современных народов Закавказья. Интерес к истории этих объединений обуславливался стремлением осветить роль этих объединений и входящих в них этнических групп в этногенезе современных народов Закавказья.

Однако следует отметить, что направление этих работ пока что дало меньше всего эффекта именно для этногенетических исследований. Но, с другой стороны, оно привело к весьма положительным результатам — всестороннему освещению истории этих объединений, что, в конечном счете, не может не привести к ощутимым результатам и для проблемы этногенеза.

Общезвестны те результаты, которые были достигнуты советскими специалистами в изучении древнего Урартского государства³, в состав которого входила почти вся территория современной АрмССР и часть территории исторической Грузии. Особенно широкий размах изучение Урарту получило с конца 30-х годов, когда под руководством Б. Б. Пиотровского развернулись археологические раскопки крепости Тейшебаини (Кармир-блур на окраине Еревана), давшие замечательные результаты. В настоящее время интереснейший материал доставляют раскопки урартской крепости на холме Арин-берд (древний Еребуни — Ирпуни).

В связи с изучением древней истории Грузии следует отметить детальную разработку вопросов, связанных с развитием крупнейших политических образований в юго-западной части исторической Грузии в древневосточную эпоху — Диаухи и Кулха (Колхида), о которых много интересных сведений содержат урартские и, частично, также ассирийские клинописные источники⁴.

¹ О. Ш. Исмизаде, Ялойлутепинская культура, Баку, 1956 (там же подробная библиография вопроса).

² Исмизаде, ук. соч., стр. 88—89; ср. В. И. Левиатов, Азербайджан с V в. до н. л. по III в. н. л., ИАН АзербССР, 1950, № 1, стр. 80.

³ Основную литературу см. Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944; Г. А. Меликишвили, Наиря-Урарту, Тбилиси, 1954; он же, Урартские клинообразные надписи, ВДИ, 1953, № 1, 2, 3, 4 и № 1, 1954.

⁴ См. П. Н. Ушаков, Древнейшие народы Грузии и новые археологические открытия, «Бюллетень Гос. музея Грузии», X—V, 1940; он же, Тао-Кларджетия в

В древней истории Азербайджана за последние десятилетия почетное место заняла история Мидии — древнейшего государственного образования на территории Южного Азербайджана (а также предшествовавшего ему на этой территории государства Манна). Следует отметить многочисленные работы И. Г. Алиева, посвященные истории Мидии¹, а также недавно вышедшую прекрасную работу И. М. Дьяконова², подготовленную по инициативе Академии наук Азербайджанской ССР.

Вопросы истории древней Мидии И. Г. Алиевым рассматривались в тесной связи с вопросом об этногенезе азербайджанского народа. Хотя в трактовке этого вопроса в работах И. Г. Алиева, в том числе и в новейших его работах по Мидии, имеется немало положений, с которыми нельзя согласиться, однако целый ряд выводов И. Г. Алиева является научно обоснованным.

Внимание советских исследователей, изучавших вопросы этногенеза армян, в основном было сконцентрировано вокруг вопроса о стране Хайаса и некоторых других областях, упоминаемых в древневосточных источниках (Арме, Сухми), названия которых выявляют близость к названиям армянской этнической группы. В связи с этим в работах покойного Г. А. Капанцяна³ детальному исследованию подверглись вопросы истории страны Хайаса, находившейся на восточной окраине хетто-малозападного мира. Особенно тщательному анализу в его исследовании подверглись данные древней топонимики и ономастики. Автор, также как и другие исследователи, приходит к выводу о том, что на территории Хайаса находился древнейший очаг армянских племен. Б. Б. Пиотровский же в связи с изучением вопросов этногенеза армянского народа обратил внимание на страну Арме(ни) урартских источников, считая ее одним из центров консолидации армянских племен⁴. Этногенезу армян посвящена также специальная работа С. Т. Еремяна⁵. Обращается также внимание на упоминаемую в этой же области хеттскими и ассирийскими источниками страну Сухми (Зухма), название которой у грузин, очевидно, превратилось в название армян (сом(е) хи)⁶. Хотя, кроме названий данных крупных областей, конкретный ономастический и топонимический материал из этого района, в частности из Хайаса, почти не выявляет каких-либо специфических армянских элементов⁷, однако все то, что нам известно о направлении и путях постепенного распространения гегемонии армянского этнического элемента на территории древнего Урарту, делает наиболее вероятным, что именно вышеуказанный район и являлся местонахождением этнической группы, ставшей впоследствии основным ядром при образовании армянского народа.

Недавно И. М. Дьяконов, в связи с вопросом этногенеза армян, вновь обратил внимание научной общественности на факт языковой близости

конце IX и VIII веке до нашей эры, «Труды Тбилисского учительского института», т. 1, 1941; он же, К походам урартийцев в Закавказье в IX и VIII вв. до н. э., ВДИ, 1946, № 2; Г. А. Меликишвили, Днаухи, ВДИ, 1950, № 4; он же, Напри-Урарту, Тбилиси, 1954.

¹ И. Г. Алиев, О мидийском обществе, ИАН АзербСССР, 1948, № 10; он же, История Мидии (на азерб. яз.), ТИИФ АН АзербСССР, 1 (1951); он же, О некоторых вопросах древнейшей истории мидийских племен, там же, V (1954); он же, Мидия — древнейшее государство на территории Азербайджана, в кн. «Очерки по древней истории Азербайджана», Баку, 1956.

² И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956.

³ Г. А. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, Ереван, 1948.

⁴ Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, Ереван, 1946.

⁵ С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян, ВИ, 1952, № 7.

⁶ Меликишвили, Напри-Урарту, стр. 418—419.

⁷ См. Меликишвили, Напри-Урарту, гл. III, § 1 б.

армян к фригийцам, что в последнее время оставалось без должного внимания со стороны советских исследователей¹.

При рассмотрении проблем этногенеза грузин в центре внимания находились еще более общие вопросы. Таков, например, вопрос о родстве грузин и других народов Кавказа с древнейшим населением Передней Азии, фактически имеющий весьма малое значение для исследования этногенеза грузинского народа, так как несомненно, что в эпоху существования крупных переднеазиатских государств грузинские племена уже обладали своей языковой, этнической индивидуальностью. Гипотеза о родстве грузинского и других иберийско-кавказских языков с древними переднеазиатскими языками за последние годы стала предметом специальной дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы языкознания»². Дискуссия показала, что для научной проверки утверждений о генетическом родстве кавказских и переднеазиатских языков нужна прежде всего большая, углубленная, методически последовательная работа по накоплению и анализу фактов³. В остальном в связи с этногенезом грузин изучались вопросы о распространении отдельных грузинских племен, о древнейших политических и этнических консолидирующих центрах и т. д.⁴.

Подытоживая, следует сказать, что вопросы этногенеза народов Закавказья все еще ждут углубленного и конкретного изучения. До сих пор исследование в этой области носило слишком общий характер. Исследователи, в основном, обращались к рассмотрению наиболее древних и трудно интерпретируемых фактов, в то время как меньше внимания обращали на более поздние показатели, могущие пролить свет на этот вопрос. Все еще недостаточно привлекался язык как исключительно важный исторический источник при исследовании этногенетических вопросов. Археологический материал, вследствие своей сравнительной малочисленности и недостаточной изученности, также пока что не смог оказать существенную помощь в разработке данного вопроса.

Мы не имеем возможности в нашей небольшой статье даже вскользь коснуться всех вопросов древней истории Закавказья, которым были посвящены, порой весьма ценные, исследования советских ученых⁵. Все же из положительных явлений, характеризующих развитие исследования в этом направлении, надо еще назвать более широкое привлечение местных исторических источников (древнеармянских, древнегрузинских). В дореволюционной науке чувствовалось порой скептическое отношение к ним. Это особенно распространялось на древнегрузинские исторические источники. Акад. И. А. Джавахишвили, например, считал эти источники, и в частности сочинение Леонти Мровели, посвященное

¹ И. М. Дьяконов, Хетты, фригийцы и армяне (на арм. яз.), ИАН АрмССР (общ. н.), 1956, № 11.

² ВЯ, 1954, №№ 3, 4, 5, 6; 1955, № 4, 5, 6; 1956, № 1.

³ «К итогам дискуссии о „хетто-иберийском языковом единстве“», ВЯ, 1956, № 4, стр. 72.

⁴ См. Г. А. Меликишвили, О происхождении грузинского народа, Тбилиси, 1952; он же, Наирн-Урарту, стр. 398 сл.

⁵ Можно назвать работы М. И. Максимова, посвященные Юго-восточному Причерноморью — см. ВДИ, 1947, № 3 и 1951, № 1, а также «Античные города Юго-восточного Причерноморья», М. — Л., 1956; статьи покойного О. В. Кудрявцева по римско-армянским взаимоотношениям (ВДИ, 1948, № 3, 1949, № 3; 1954, № 2); Г. Х. Саркисяна по древней Армении (ВДИ, 1955, № 3 и ИАН АрмССР, общ. н., 1955, № 2); работы Л. М. Меликсет-Бека, посвященные древней истории Грузии и Армении, работы Т. С. Каухчишвили, М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломоури и других молодых грузинских ученых по истории древней Грузии, многочисленные работы по нумизматике (в частности, Е. А. Пахомова и Г. Д. Капанадзе), по истории древнего искусства (см., в частности, работы Ш. Я. Амираяшвили, История грузинского искусства, т. I) и т. д.

древнему периоду истории Грузии и вошедшее в сборник древнегрузинских исторических сочинений «Картлис цховреба» («Летопись Грузии»), мало пригодными при исследовании древней истории Грузии.

И. А. Джавахишвили к сочинению Леонти Мровели подходил как к созданию одного автора и недостаточно глубоко разработал вопрос о тех материалах, на которых оно основывается. Однако дальнейшее исследование со всей ясностью поставило вопрос о необходимости пересмотра такого скептического отношения к древнегрузинской исторической традиции¹. Выясняется, что в сочинении Леонти Мровели использовано много разных древних памятников, в том числе и царские хроники, посвященные событиям царствований правителей древней Иберии. Сообщениями иноземных (греко-римских, древнеармянских) источников, а также греческими и арамейскими надписями из Мцхета — Армази, подтверждается достоверность царских списков, имеющих в сочинении Леонти Мровели и в древнегрузинской хронике «Мокцевай Картлисай». Эти источники в некоторых случаях содержат указания на продолжительность и последовательность царствования тех или иных правителей Иберии. В описании эпохи династии фарнавазианов изложение летописи весьма лаконичное, насыщено описаниями разных конкретных событий (главным образом войн) с точными указаниями пунктов, где разворачивались эти события, с упоминанием многих исторических лиц и т. д. Достоверность некоторых из этих событий прекрасно подтверждается иноземными источниками. Кроме того, эпиграфические памятники, открытые в последние десятилетия в районе Мцхета — древней столицы Грузии, подтвердили немало сведений древнегрузинской летописи². Вследствие всего этого назрела необходимость реабилитации древнегрузинских исторических хроник и более широкого использования их в деле воссоздания картины исторической жизни древнегрузинского общества. Однако в области критического изучения древнегрузинских, так же как и древнеармянских исторических источников, все еще сделано очень мало, и они все еще в недостаточной степени привлекаются при разработке вопросов древней истории соответствующих народов Закавказья.

Изучение древней истории народов Закавказья занимает сравнительно скромное место в советской исторической науке. Однако успехи, достигнутые в этой области, служат проявлением общих успехов советской науки, ее больших достижений во всех областях научного исследования. Вместе с тем и на этом примере изучения древней истории Грузии, Азербайджана и Армении ясно вырисовывается наступивший после Великого Октября расцвет национальных культур народов Закавказья.

¹ См. Г. А. М е л и к и ш в и л и, К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии, Тбилиси, 1955, стр. 16 сл. (там же — указание на соответствующую литературу).

² Г. В. Ц е р е т е л и, Армазская билингва, ИИЯИМР ГрузФАН СССР, XIII, стр. 47.

